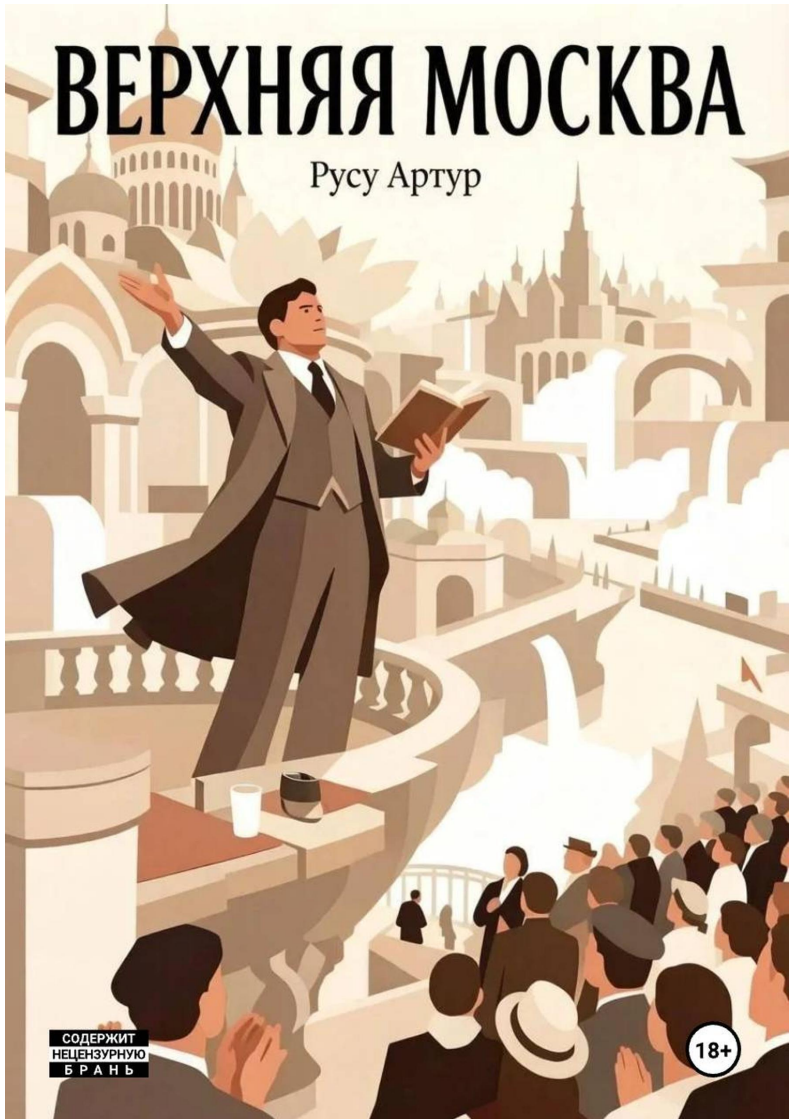

ВЕРХНЯЯ МОСКВА

Русу Артур

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артур Русу

Верхняя Москва

<https://litres.ru/74440089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он называет себя Господином Поэтом. Сбежав от серых будней, он попадает в Верхнюю Москву — идеальный город на облаках, где нет денег, пробок и хамства, а талант вознаграждается славой. Здесь его стихи цитируют, ему рукоплещут, его боготворят. Рай. Или то, что за него выдают.

У рая есть изнанка: в северном углу города работают комбинаты, где люди в лохмотьях тянут рычаги, оплачивая страданиями сытую жизнь элит. Поэт отправляется туда надзирателем — и убивает своего поклонника Харитона, который пошёл в комбинат добровольно, чтобы его спасти. С этого момента он перестаёт принадлежать себе.

Роман о том, что идеальный мир всегда построен на чьей-то боли. О травме, которая заставляет создавать альтернативные реальности, и о том, что исцеление начинается не в облаках, а на холодном полу собственной кухни.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Артур Русу

Верхняя Москва

Глава

Господин Поэт

Верхняя Москва. Господин Поэт. Часть 1.

В позапрошлом году, прогуливаясь по Нижней Краснохолмской — между Большим и Малым Краснохолмским мостами, той самой походкой, которую друзья называли «пафосный цыганский барон», — я заметил одно здание. Небольшое, невзрачное, оно будто было здесь лишним. Что-то в нём было не так, какая-то неправильность, которую я не мог объяснить. Дверь, на моё удивление, поддавалась легко. Сверху осыпалась сухая штукатурка.

Тамбур выглядел так, будто сюда никто не заходил лет пятьдесят, а то и сто. Внизу, в полметра левее входа, я заметил маленькую дверцу, размером с печную. Я попытался её открыть — и в помещении за большой дверью что-то загремело, заклокотали моторы, послышались голоса. Я отшатнулся, хотел уже бежать, но за дверью снова стало тихо. «Показалось», — подумал я. Но что-то заставило меня вернуться.

Я распахнул печную дверцу — из неё выстрелило облачко пара. И тогда я отчётливо услышал: грохот, плеск воды, клёкот моторов, человеческую речь. Я потянул ручку большой двери — и очутился в прачечной. Судя по всему, начало прошлого века. Влажный воздух, люди в старомодной одежде снуют туда-сюда, ругаются, смеются. «Театр?» — подумал я. Проверил телефон — сети не было.

Вдруг моё внимание привлекло сине-зелёное свечение. Оно будто обозначало края дороги, которая вела куда-то вглубь. Я пошёл по ней. Через минуту упёрся в трубу. И тут — синей сваркой в трубе выгорела дверь. За ней — высоченный эскалатор, уходящий вверх.

Я ступил на него. Дверь за мной закрылась, и эскалатор понёсся с такой скоростью, что я едва успел ухватиться за поручень. В конце пути я чуть не вцепился в массивную дверь красного дерева. Потянул — не идёт. Толкнул — открылась.

За дверью был город.

— Добро пожаловать в Верхнюю Москву! — меня встретил парень, одетый на манер прислужника начала прошлого века. — Меня зовут Архип. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Где я? — спросил я. — Как такое возможно?

— Первый раз на верхнем уровне? — он улыбнулся. — Что ж, значит, так нужно. Вы попали в идеальное место. Здесь нет пробок, никто не ругается, всё, что вам нужно, — бесплатно. Денег тут нет. Чем заниматься — выбираете са-

ми.

— И что это за мир?

— Верхняя Москва. Пройдите вперёд, вас подхватит передвигатор. Только... — он помедлил, — мой вам совет: не ходите в самый северный угол города. Нечего там делать.

Он отвернулся, будто разговор был окончен.

Сзади возникло металлическое полусолнце. Оно подхватило меня и понесло вперёд.

Город открывался не спеша, будто стесняясь своей красоты. Сначала я увидел только облака — плотные, подсвеченные снизу тёплым золотом, и редкие каменные цветы, торчащие из них, как копья гигантов. Потом полусолнце набрало скорость, и меня накрыло.

Верхняя Москва шла на меня волнами. Сначала — архитектура: дома в виде массивных каменных цветов с распустившимися лепестками-балконами, резные арки, перекинутые через улицы, фрески на фасадах, которые двигались, когда на них падал свет. Потом — детали: чугунные решётки с золотыми вензелями, мостовые из полированного камня, фонари с газовыми рожками, которые горели даже днём, потому что так красивее. Сады висели в воздухе, корни деревьев свисали вниз, переплетаясь с облаками. В них цвели деревья — одни зелёные, другие жёлтые, третьи усыпанные розовыми и оранжевыми цветами.

Музыка звучала из ниоткуда — у каждого своя. Кто-то

слышал вальс, кто-то — джаз, кто-то — тяжёлый драм-энд-бэйс. Люди спорили об этом, смеялись и тут же забывали мотив.

Полусолнце несло меня над куполами и шпилями, над палатками с золотыми кистями, над навесами из резного камня, над газонами, где трава была изумрудной, а цветы — такими яркими, что резали глаз. Я летел, и мне казалось, что всё это — декорация. Слишком красиво. Слишком правильно.

Я притормозил и обратился к прохожим — они стояли на облачной платформе, в причудливых костюмах, с лицами, на которых не было ни тени заботы.

— Это рай? — спросил я.

Они переглянулись, улыбнулись.

— Тише, — сказал один. — В Раю про это место не знают.

— Просто наслаждайтесь, — добавил другой. — Занимайтесь тем, что нравится.

— И никогда не ходите в самый северный угол города, — закончил третий. — Нечего там делать.

Я посмотрел туда, где за горизонтом, за всеми этими каменными цветами и золотыми куполами, чернело что-то огромное. Но взгляд упирался в облака, и я мог разглядеть, что там.

— Почему? — спросил я, но они уже отвернулись, занятые своей беззаботной жизнью.

Я русский, а значит, ищу подвох во всём идеальном. И я чувствовал: ответы — там, куда запрещено ходить.

Первая неделя прошла в сомнениях. Я познакомился с интересными людьми, много писал — по два, а то и три стихотворения в день. Мной восхищались. Но каждое утро меня съедали сомнения. Они исчезали, стоило выпить стакан кофе, съесть идеальный завтрак и выйти на полусолнце. Я летел к новым знакомым, к новым местам — и всё ближе к северному углу.

Через месяц вся Верхняя Москва говорила о феномене поэзии Господина Поэта. Мои стихи перешёптывали в очередях за идеальным кофе, их цитировали в кафе «Саранка», их просили прочесть на каждом углу. Я просыпался, и первым делом ловил отражения в витринах каменных цветов, чтобы поймать взгляды прохожих. Мне нравилось, когда меня узнавали. Мне нравилось, когда меня останавливали, чтобы сказать: «Господин Поэт, ваше новое стихотворение... это нечто!» Я кивал, улыбался, говорил что-то скромное — и чувствовал, как внутри разливается тепло. Я получил то, чего так долго хотел. Я был нужен. Я был на виду. Я был — Господин Поэт.

Я жил в огромном каменном цветке, всё необходимое появлялось по щелчку пальцев. Я мог заказать ужин из любого ресторана мира, выпить вино, которое не продавалось в нижнем мире даже на аукционах, уснуть под музыку, кото-

рую сам выбирал. Но сомнения возвращались каждое утро. Они приходили вместе с первыми лучами света, когда я ещё не открыл глаза, и шептали: «А что, если они любят не тебя? А что, если они любят того, кого ты изображаешь?» Я прогонял их, вставал, шёл к зеркалу, смотрел на своё отражение и повторял: «Я — Господин Поэт. Я — тот, о ком говорят. Я — тот, кого слушают». И это работало — до следующего утра.

Реже сомнения приходили днём. Тогда я отправлялся в обедню. Там, среди таких же, как я, — успешных, признанных, сытых, — я забывал о том, что меня грызёт. Мы говорили о стихах, о славе, о том, кто из нас главнее. Спорили, мирились, смеялись. И я снова чувствовал себя на своём месте.

Вечерами я читал стихи на сцене Дома культуры. Зал был полон. Аплодисменты, цветы, восторженные взгляды. После — ужин, лучший столик в «Саранке», всё, что душе угодно, и бокал вина, который я пил медленно, чтобы растянуть удовольствие. Возвращался в свой цветок окрылённый и уставший, падал на кровать и проваливался в сон без сновидений.

И вот настал тот самый день...

Верхняя Москва. Господин Поэт. Часть 2.

— Итак, законы просты:

- Будь добр к людям, которые тебя окружают;
- занимайся тем, чем хочешь, если это не навредит другим людям;
- держи себя в форме, занимайся спортом;
- будь свеж и весел;
- любой равен главному и главным может стать любой;
- и самое главное: НЕ ХОДИ К САМОМУ СЕВЕРНОМУ УГЛУ ГОРОДА!

На самом деле, правил и порядков здесь гораздо больше, но они все вытекают из этих законов и постоянно варьируются, в зависимости от ситуации. Например, пятое правило, где главный-таки остаётся главным, и, при общей равности, всё равно главнее не главного. А в случае, когда оба равные, любой из них может стать главным. Потому что любой может стать главным!

Я проснулся утром. Кровать бесшумно перенесла меня в ванную. Пока я чистил зубы, из кухни раздался голос — ровный, пустой, ниоткуда и отовсюду.

— Ваш идеально сбалансированный завтрак готов.

Я выплюнул пасту, сполоснул рот, вышел в коридор.

— А можно мне что-то другое?

— Незвестная ошибка. Повторите попытку позже.

— Что значит «неизвестная ошибка»? Я просто прошу...

— Ваш идеально сбалансированный завтрак остывает.

Я замолчал. Смысла не было. Голос говорил всегда одно и то же, с той же интонацией, с той же паузой между фразами. Я прошёл на кухню, сел за стол. Яичница, бекон, овощи. Всё как вчера. Всё как позавчера. Всё как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.